

Причины распада СССР: коммунистический режим, сверхдержавное бремя, национализм республик или случайность?

Георгий Матвеевич Дерлугьян,

профессор социологии, Нью-Йоркский университет Абу-Даби и Российская академия народного хозяйства и госслужбы (РАНХиГС), Москва.

E-mail: derluguian@gmail.com

Почему выход СССР из социализма оказался столь разрушительным для государства и общества? Этот вопрос тем более требует ответа, так как мы имеем контрпример в виде Китая, которому до сих пор удаётся избежать коллапса, несмотря на стремительную интеграцию в капиталистическую экономику. Теоретические прорывы второй половины XX в., «золотого века макросоциологии», позволяют в рамках единого концептуального аппарата объяснить разнонаправленные траектории постсоциалистических трансформаций. Представленная статья сфокусирована на миросистемном (И. Валлерстайн) и геополитическом (Р. Коллинз) объяснении «провала» Советского Союза и «успеха» КНР. В то время как СССР вёл большую игру в мировой политике, стремясь интегрироваться в капиталистический мир в ранге одного из ведущих игроков, Китай, оставаясь на обочине холодной войны, укреплял экономические связи с Западом, нащупывая своё место в мировом разделении труда. В то время как сверхцентрализованный СССР терял управляемость в ходе крутых внутри- и внешнеполитических манёвров перестройки, в Китае, фактически случайно, была воспроизведена экономическая модель «азиатских тигров», подразумевающая сильную авторитарную власть при рыночной экономике.

Ключевые слова: СССР, государство, бюрократия, перестройка, М.С. Горбачёв, Китай.

The Causes of the USSR Collapse: Communist Regime, Superpower Burden, Republics' Nationalism, or an Accident?

Grigorij Derluguian, New York University Abu Dhabi, Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: derluguian@gmail.com.

Why did the USSR's parting with socialism turned out to be so destructive to the state and society? Answering this question becomes even more urgent as we witness the counterexample of China, which, despite its swift integration in global capitalist economy, so far managed to avoid the collapse of the state. Theoretical breakthroughs of the second half of the 20th century — the “golden age of macrosociology” — provide a unified conceptual framework for explaining the divergent trajectories of post-socialist transformations. This paper employs the world-system (I. Wallerstein) and the geopolitical (R. Collins) approaches to

explain the Soviet “failure” and the Chinese “success”. While the USSR was playing the great power game in world politics, trying to integrate into the capitalist world as one of the leading players, China remained on the sidelines of the Cold War, but tried to strengthen its economic links with the West, groping for its own place in the international division of labour. At the times when overcentralized USSR was losing controllability during drastic internal and external twists and turns of Perestroika, China, virtually by accident, reproduced the “Asian Tigers” model combining strong authoritarian state and market economy.

Keywords: USSR, state, bureaucracy, perestroika, M. Gorbachev, China.

Как ни поразительно, прошло уже более четверти века после распада СССР, а внятного теоретического объяснения этого события так и не появилось. С одной стороны, господствует представление о коммунистических экспериментах как преступном насилии над историей и человеческой природой, которое было обречено изначально. С другой стороны, стало принято винить внешние подрывные силы и предательство, например, скрытых националистов в республиках и «архи-воров» в центральном экономическом аппарате вкупе с происками американской гегемонии. Обе позиции совершенно типичны для периодов революций, когда сторонники освобождения лишь зверским гнётом тирании могут объяснить, почему их идеалы не восторжествовали раньше, а охранители прежнего порядка и просто обыватели отказываются понять, что ещё, помимо засланных откуда-то чужаков и отщепенцев, могло обрушить их привычный мир. Оба объяснения держатся лишь на очень сильных эмоциях, поскольку не выдерживают столкновения с простейшими фактами. Оба быстро скатываются в путаницу и круговерть, потому что приходится за одним фактором отметать другой: всё устроили враги, но у них бы ничего не получилось без предателей, которые среди нас появились, потому что пошатнулась вера, а она пошатнулась, когда распространился эгоизм и начальство стало уже не то, с тех пор как утратило страх, — потому что вера пошатнулась и возник эгоизм...

Оставим подобные рассуждения дискурсивным аналитикам. Нам важнее согласиться, что СССР являлся не единственной коммунистической державой. Была некогда альтернативная Югославия; были и есть своеобразные Куба и Вьетнам. Был и остаётся номинально коммунистический Китай. Я не берусь спорить с ортодоксами любого толка, насколько последний сохранил верность коммунистической идее до и после 1989 г. Я лишь прошу заметить, что о коллапсе КНР говорить не приходится. Там коммунистический режим (т.е. партия-государство с официально марксистско-ленинской идеологией) сохраняется и эволюционирует в каком-то направлении без свержения режима или его отрицания политической верхушкой. Следовательно, теория, если она научно-историческая, должна продемонстрировать, какие структурные переменные сработали в случае СССР на относительно мирный, но экономически катастрофический распад, что обусловило войны за Югославское наследство и почему

Китай смог вписаться в глобализирующийся капитализм без коллапса и катастрофы. Иначе говоря, проверкой теории будет её способность объяснить одним и тем же аппаратом произошедшее около 1989 г. на пространстве от Балтики до Южно-Китайского моря и от Камчатки до Балкан. О причинах этнических войн, их социальных персонажах и динамике я уже написал (в основном на примере Кавказа) довольно большую книгу, многое из которой непосредственно применимо к пониманию югославской трагедии [4]. В данной же статье даётся теоретико-эмпирический эскиз к пояснению дивергентных траекторий СССР и КНР. Проще говоря, я пытаюсь выстроить отправные точки для исторического и экономического анализа того, что же случилось с крупнейшими коммунистическими государствами около 1989 г.

ПЕРЕОЦЕНКА СОВЕТСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Сегодня, пожалуй, главное препятствие состоит в эмоциональной трудности честно вспомнить перестройку, причём по годам — всё-таки длилась она целую пятилетку и существенно эволюционировала, — и в итоге трезво оценить перспективы реформирования СССР. Начнём с того, что Михаил Горбачёв стал тем молодым, энергичным лидером, прихода которого ждали уже давно. Он принадлежал к последнему верующему в социализм поколению десталинизации и полётов в космос, и эти достижения начала 60-х гг. эмпирически подтверждали веру его сверстников в советскую систему¹. Приход М. Горбачёва к власти мог бы даже рассматриваться как часть возрождения движения «новых левых» коммунистических реформистов образца 1968 г. Тем не менее последний лидер СССР был крепко связан с официальными структурами власти и, объективно говоря, его цели являлись достаточно консервативными. Вовлекая советский блок фактически в государственный капитализм, он надеялся на укрепление, а никак не снос существующих политических структур. Горбачёвская перестройка была, по сути, программой превращения более молодого поколения номенклатуры в менеджеров-технократов, управляющих большими индустриальными холдингами с иностранным участием. Но, конечно, в этом нельзя было признаться. Идеологические противоречия определили бурную риторику М. Горбачёва, которая запутала сначала всех его возможных противников и сторонников, а затем и самого генсека. Даже проницательные наблюдатели считали тогда, что М. Горбачёв не может действительно иметь в виду то, что говорит: уж этот закалённый аппаратчик наверняка втайне знает, что делает. Увы, дело обстояло ровно наоборот. Политика М. Горбачёва выглядела столь бессистемной, если не авантюрно-любительской, потому, что десятилетия запрета на полити-

¹ Лучшими работами о воодушевлении советских шестидесятников являются роман-сказка (не ставшая былью) англичанина Фрэнсиса Спаффорда «Страна изобилия» [5] и монография нашего соотечественника Владислава Зубка «Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia» [20].

ческие дискуссии обернулись в СССР крайней идеологической поляризацией. (На опасность политической слепоты номенклатуры указывал ещё в 1968 г. диссидент Андрей Амальрик, фактически один из лучших теоретических социологов своего времени [1].) Между «дубово-ритуальным» дискурсом партии и отчаянно абстрактным гуманизмом либеральных оппозиционеров возник вакуум идей и практических решений. Сырая, плохо продуманная, недосказанная импровизация — вот что оставалось политическому лидеру, желающему провести серьёзные реформы [9].

Но вообразим на секунду, что М. Горбачёв в конце концов всё же добился успеха. Продолжение основных векторов его политики даёт нам достаточно точное представление об итоговом результате. СССР отказывается от своих многочисленных обязательств по отношению к странам третьего мира и уходит из Восточной Европы. С точки зрения Москвы, это не безвозвратные потери, так как уже очень скоро Венгрия, Польша и Прибалтика обнаружили бы себя между объединённой Германией и её теперь основным экономическим и политическим партнёром на востоке [15]. Договоры о стратегическом разоружении с США тем временем значительно снижают геополитические издержки, наконец-то позволяя Москве провести реструктуризацию ВПК. Промышленность в СССР всё ещё остаётся внушительной и при этом располагает квалифицированной и относительно дешёвой рабочей силой. При посредничестве государства это привлекает прежде всего западноевропейских инвесторов. Советские руководители интуитивно ощущали свою близость к немецким, французским, итальянским да и японским коллегам с их достаточно знакомыми государственно-корпоративистскими социальными установками и практиками. Сочетание отложенного потребительского спроса в бывших коммунистических странах, прихода иностранных инвестиций вкуче с частичной передачей технологий в обмен на природные ресурсы и доступ к рынкам, создание новых рабочих мест в прогрессивных отраслях в сумме производят экономический бум. Мы пока не назвали, конечно, ещё одну критически важную составляющую — политическую стабильность. Наиболее вероятно, она могла быть достигнута путём управляемого разделения коммунистических партий на правящее большинство социал-демократов и изолированное меньшинство стойких приверженцев прежней сталинистской идеологии. Весь европейский континент от Урала до Атлантики в таком случае объединяется в геополитический и экономический блок с Германией в качестве экономического двигателя и Россией в качестве поставщика спроса, работников, сырья и, не забудем, военной силы. При таком развитии событий американская гегемония сошла бы на нет значительно быстрее, чем это происходит сейчас. Социал-демократическая или консервативно-патерналистская Европа вместе с обновлённым СССР имела бы достаточно оснований и сил для противостояния неолиберальному вашингтонскому консенсусу. Геополитически и идеологически маргинализованная Америка тем не менее не должна была бы слишком пострадать в экономическом отношении [21]. Видя перед собой усилившуюся Европу, Вашингтон

был бы вынужден отыскивать возможности для принятия политических мер, необходимых для увеличения внутреннего спроса и формирования торгового союза со своими собственными поставщиками более дешёвой рабочей силы, прежде всего с Латинской Америкой и Китаем. В этом случае мир остался бы вполне капиталистическим, но возникли бы другие по сути, возможно, более устойчивые конфигурации капиталистических рынков и глобализации. Конечно, как и в любой властной системе, в поделённом таким образом мире возникли бы какие-то свои противоречия и конфликты. Их мы предсказать не можем, поскольку есть предел контристорическим предсказаниям: трудно заглянуть далее чем за один крупный поворот истории. Тем не менее можно вполне обоснованно утверждать, что в конце 1980-х гг. существовали альтернативные возможности в рамках обычной динамики капиталистической миросистемы.

Если бы СССР сохранил внутреннюю стабильность и мир пошёл по описанному нами альтернативному пути, М. Горбачёв выглядел бы мудрым политическим «сфинксом». Предоставляя противникам и различным группам сторонников самим разгадывать его туманные метафоры и загадки, он тем самым обретал бы возможность возвышаться над всеми, как арбитр, и самостоятельно прокладывать курс в направлении, конечное назначение которого и было бы главной загадкой. Задним числом такого прагматика могли провозгласить гением (репутация гениальности в принципе создаётся лишь последующими поколениями) за то, что он перевёл страну «через реку, прощупывая ногой каждый камешек». Метафора пересечения реки, конечно, китайская и относится к Дэн Сяопину. Но следует напомнить, что вплоть до конца 1989 г. (и даже позже) М. Горбачёва всё ещё превозносили как смелого борца за демократию и объединителя Европы, в то время как Дэн Сяопина называли реакционным палачом площади Тяньаньмэнь [22]. Но только ли в личностях лидеров различие между китайским и советским путями выхода из коммунизма?

В 1989 г. коммунизм как альтернатива капитализму завершился и в Восточной Европе, и в Азии. Однако насколько ошеломляюще быстро затем распался СССР, настолько же неожиданно и стремительно взлетела китайская экономика. Для КНР момент острой политической опасности наступил весной 1989 г., когда давно назревавший раскол среди зашедшей в тупик китайской коммунистической верхушки спровоцировал студенческие выступления на пекинской площади Тяньаньмэнь. Китайское студенческое движение обладало теми же сильными и слабыми сторонами, что и современные ему демократические движения в СССР и по большому счёту все демократические городские движения нашего времени, начиная с западных «новых левых» 1968 г. до украинских «майданов» и «арабской весны» 2011 г. [3]. Спонтанные протесты выплеснули массу эмоциональной энергии молодых людей, выступавших, прежде всего, против лицемерия и своекорыстия представителей старшего поколения. Это сильная сторона. Но движение не имело широкой автономной организации, ставило перед собой лишь краткосрочные политичес-

кие цели преимущественно протестно-негативного плана и было слабо связано с провинциальными городами. Это были именно выступления на главной площади. В 1989 г. большая часть руководства компартии Китая сплотилась вокруг Дэн Сяопина и одобрила решение подавить молодёжное движение. Непосредственную причину понять легко. Китайские кадры настолько же хорошо помнили, чем обернулись для них предыдущий раскол в верхах и студенческие волнения времён Культурной революции, насколько советская номенклатура 1950-х гг. помнила сталинские репрессии. Возможно, ещё более важным являлось то обстоятельство, что старшее поколение китайских коммунистов было поколением ветеранов вооружённой борьбы — в отличие от М. Горбачёва и его коллег — профессиональных аппаратчиков, на два поколения отстоявших от революции и Гражданской войны. Для людей типа Дэн Сяопина выражение «винтовка рождает власть» не было просто метафорой.

Подавление протеста на площади Тяньаньмэнь, однако, обернулось непоправимым идеологическим ущербом. Студенты-активисты пели те же самые революционные песни и заявляли о приверженности тем же идеалам, которые исповедовала коммунистическая партия, особенно на раннем революционно-романтическом этапе, воспоминания о котором были со временем превращены в освящающую власть легенду. Левая атака на левый режим в итоге обусловила поворот вправо, даже если никто из представителей китайских верхов не осмелился официально это признать. Фактически 1989 г. ознаменовал также и падение китайского коммунизма. Правящая КПК тихо отложила в сторону свою опасно обоюдоострую идеологию, переключившись на то, что можно назвать легитимацией на основании практических результатов. Впрочем, такой сдвиг в политическом репертуаре был обычен для коммунистических режимов. Ещё в 1921 г. большевики, всегда помнившие о прошлых революционных прецедентах, весело признавали, что их рыночно ориентированная новая экономическая политика (НЭП) знаменует собой необходимую и неизбежную фазу «термидорианской само-реставрации» [14]. Иначе говоря, лучше мы либерализуем сами себя (в качестве, конечно, временного решения), чем это сделают за нас наши классовые враги. Вспомним также некогда знаменитые примеры Югославии времён Тито, Венгрии времён Яноша Кадара, Польши при Гомулке и Чехословакии после 1968 г. Пережив внутренний раскол и восстания, эти «реформистские» коммунистические режимы прагматично сочетали рыночные эксперименты со строго дозируемыми политическими репрессиями. Репрессии против конкретных диссидентов и повышение экономического благосостояния для большинства обывателей сделались стандартной «двухходовкой» в арсенале коммунистических режимов. Ничего нового китайские товарищи здесь не изобрели. Даже малопримечательное правление Л. Брежнева в СССР, которое теперь нередко ностальгически описывается как «прекрасные десятилетия», фактически было консервативной реакцией на бурный и тревожный период хрущёвской оттепели. Впрочем, советские лидеры

в 1970-х гг. прекратили всякие разговоры о рыночном социализме, потому что доходы от экспорта нефти и газа предоставили им преходящую роскошь бюрократической инерции.

Китай, конечно, не обладал большими запасами нефти. Вместо этого КПК могла использовать для своего НЭПа бесчисленную армию трудолюбивых крестьян и провинциальных ремесленников, равно как и рыночные знания представителей разбросанной по миру китайской диаспоры. Непосредственная политическая причина допущения рыночных сил первоначально лишь в сельскую местность КНР была также простой и понятной: разрядить обстановку, снизить напряжение, отложить очередной революционный рывок, позволить крестьянам прокормить себя и города. Сделав этот первый, не слишком решительный шаг, китайские коммунисты вступили на долгий путь, который позволил им благополучно миновать политический кризис 1989 г. Оставаясь номинально коммунистическим, Китай, по сути дела, воспроизводит сегодня в укрупнённом масштабе прежнюю модель антикоммунистических «диктатур развития» Восточной Азии, таких как Южная Корея или Тайвань, которые выросли под патронажем американской гегемонии времён холодной войны [11; 13].

Непреднамеренно удачный выход КНР из коммунизма помогает нам понять причины непреднамеренной советской катастрофы. Главным из них стал грандиозный провал коллективных действий со стороны номенклатуры, причём провал в защите собственных общеклассовых интересов ради сиюминутных и индивидуальных перебежек и побегов из рядов своего класса. Лавина политических событий 1989 г. посеяла панику и вызвала массовый исход из советского чиновничьего корпуса. Именно эти люди разрушили свою страну, а не романтические националисты в республиках и не демократическая интеллигенция в Москве и Ленинграде. Борцы с номенклатурой, при всей их эмоциональной окрылённости и привлекательности, не имели организованных сил, достаточных для того, чтобы сокрушить коммунизм самостоятельно. В 1989 г. и даже в 1991 г. у антисоветских оппозиций всё ещё не было серьёзного организационного базиса для быстрой мобилизации и перехвата падающей политической власти.

Это может показаться неожиданным, но и номенклатура не могла полагаться на легитимные общие структуры для координации самозащиты в критический момент. В годы перестройки (1985—1989 гг.) Михаил Горбачёв успешно использовал свою верховную власть генерального секретаря, чтобы защитить себя от бюрократической реакции типа той, которая привела к отставке Никиты Хрущёва. Горбачёв до поры очень успешно как маневрировал в новом публичном пространстве (т.н. гласность), так и использовал аппаратные интриги. В результате он мастерски запутал и парализовал все три опорных института советского режима: коммунистическую партию, центральные министерства и тайную полицию. Где-то до лета-осени 1989 г. большая часть номенклатуры пребывала в непонимании и оцепенении. Но когда М. Горбачёв пожертвовал или был вынужден пожертвовать в своей многоходовой игре коммунистическими

сателлитами Восточной Европы, номенклатуре внезапно открылись её истинные риски и ставки в этой большой и неопределённой шахматной партии. Заметим: после 1989 г. советская олигархическая элита раскололась именно по линиям бюрократических сфер влияния в промышленном секторе и в национальных республиках. Впервые после легендарных 20-х гг. внутри и вокруг компартии появились разнообразные фракции и движения. Но как прогрессивные, так и реакционные, они оказались недолговечными и эфемерными. В условиях нарастающего хаоса ни у кого не было достаточно ресурсов и времени, чтобы осознать свои интересы, сплотиться и выработать план действий. В итоге номенклатуре оставалось полагаться на привычные элементарные личные связи по линиям служебной «дружбы», патронажного покровительства и коррупционного сговора. В те дни процесс казался совершенно хаотичным, но он был таковым не полностью.

Номенклатура представляла собой верхний эшелон бюрократической администрации. Поэтому её представители, как всякие чиновники, были смещаемы и заменимы. В любой крупной управленческой бюрократии, государственной либо частно-корпоративной, элементарный секрет выживания заключался в расширении внутренней сети покровительственных связей, приобретении лоббистского веса и защите контролируемой территории. В советском официальном жаргоне издавна вращалось множество словечек для обозначения подобных явлений, вроде кумовства, ведомственности и местничества [12; 19; 8]. После 1989 г. чиновничьи стратегии выживания приобрели совершенно новый масштаб. Номенклатура существовала в трёх пересекающихся иерархиях: территориальные правительства (включая национальные республики и автономии), экономические отраслевые министерства и центральный контролирующий аппарат тайной полиции и партийной идеологической «инквизиции». Из перечисленных контролирующая иерархия была главной, но, как показала практика, её сложнее всего было приватизировать. В конце концов тайная полиция без государства становится мафией, а идеологическая «инквизиция» без правящей партии превращается в угрюмую секту. Территориальные и экономические единицы бывшего СССР, напротив, оказались удобными и порой баснословно доходными платформами для самодвижущегося сепаратизма. Первого секретаря республики, министра или директора в принципе можно было сместить, и М. Горбачёв делом доказал номенклатуре, что это так. Но кто может снять с должности пожизненного президента страны или частного собственника олигарха-капиталиста, чьи активы скрыты в экзотических офшорах?

Советские промышленные активы посредством, как правило, весьма простых схем попали в частные руки (можно сказать и более резко — были украдены) ещё до того, как появилось законодательство о приватизации. В это же время национальные республики и крупные муниципалитеты также стали фактически корпоративной собственностью того типа, который жители Чикаго и Нью-Йорка называют политическими машинами.

По иронии судьбы, либеральная интеллигенция сама предложила номенклатуре её новые политэкономические стратегии вместе с их идеологической легитимацией. Нарождающееся «гражданское общество» (на практике — интеллигентские группы, ограниченные, как правило, крупнейшими городами) теперь желало обратить свои страны в либеральные демократии, чтобы самостоятельно присоединиться к капиталистическому Западу в обход Москвы и отставшего от событий М. Горбачёва. Головокружительно быстрый идеологический сдвиг времён перестройки — от «новых левых» чаяний реформированного «социализма с человеческим лицом» к национализму и неоконсервативному «символу веры» Маргарет Тэтчер — отражал радикализацию требований, характерную для любой революции [16]. После 1989 г. мятежная интеллигенция требовала три вещи: свободных выборов, национального суверенитета, рынков. Эти притязания составляли таран, который должен был сокрушить правящую бюрократию, а также являлись средством чудесного освобождения народных инициатив. Но правители советских республик, которые видели, что происходило с их собратьями в Восточной Европе в 1989 г., быстро сообразили, что упреждающие декларации суверенитета могут спасти их от снятия с должностей М. Горбачёвым, который продолжал политику «обновления кадров» (читай — чисток). Конкурентные выборы того времени нередко позволяли номенклатурным работникам обойти громкую, но утопически настроенную и непрактичную интеллигенцию. Одновременно рыночная приватизация хорошо послужила старым (новым) президентам, чтобы вознаградить себя и привязать олигархические группы поддержки («кланы») путём раздачи в собственность (но не абсолютную, а контролируемую, сугубо условную собственность) огромных кусков бывшей общесоюзной индустрии [17].

Массовое отступничество бывшей номенклатуры от прежней веры с её партийной дисциплиной и стремительное самообращение в капиталистов и националистов привело к хаосу в государственных и экономических структурах. Вдоль менее развитой южной периферии бывшего СССР вспыхнули этнические конфликты. Даже в центральных районах в условиях краха общественного порядка бывшим представителям правящей элиты приходилось теперь опасаться за свои жизни или заключать грязные сделки с «силовыми предпринимателями» криминального толка. Далеко не все выжили в стихийном переходе к капитализму. Полученные результаты были извращением того, к чему стремился М. Горбачёв. Он хотел вести переговоры с позиции сверхдержавы о выгодном коллективном включении в капиталистическую систему Западной Европы. Но бывшие республики СССР быстро утратили международный престиж и преимущества, связанные с наличием сильной армии, развитой науки и общественного порядка. Резкое ослабление государств-наследников Советского Союза и распад правопорядка сделали фактически невозможной любую промышленную и инвестиционную политику.

СССР был «моноорганизационным» индустриальным обществом, где все сферы публичной активности контролировались из центра. Потеря го-

сударственной целостности, соответственно, подрывала функциональную целостность всех современных институтов. Главное, без действенных публичных институтов сделались невозможными практически любые коллективные действия на уровне выше семейных или клановых связей. Эта ситуация стала самовоспроизводящейся. С индивидуальной точки зрения члена элиты, теперь наиболее разумным образом действий стало разграбление государственных активов, чтобы затем, после нескольких удачных заходов, перевести украденное за границу. Чтобы выжить и править в новой ситуации распада, правители сами фактически ослабляли собственные государства, поскольку коррупционная зависимость чиновничества, полиции и судебной власти стали необходимыми условиями для обогащения и политического контроля посредством личного покровительства. Такие традиционные сферы государственных интересов, как военное строительство или подавление внутренних протестов, отпали и оказались излишними в условиях, когда мировая геополитика направляется гегемоном в лице США и глобальными финансовыми институтами. Все бывшие советские республики провозгласили себя рыночными демократиями, хотя и с разнообразными «национальными особенностями», неуклюже оправдывающими примитивный монополизм их правителей [6].

Приватизация нанесла сокрушительный удар и прежде смелой интеллигенции, чьи некогда престижные и надёжные рабочие места и профессиональные связи были встроены в государственные институты. Интеллектуалы и общественные критики обнаружили, что их уровень жизни резко упал, что в политическом отношении их обыграли, а заодно лишили идеологического голоса — поскольку их либеральные и националистические программы были цинично перехвачены и извращены. Более того, масштабный сдвиг властных приоритетов и стратегий элит — от государственного промышленного производства и усиления вооружённых сил времён сверхдержавы к отныне частной безопасности, сырьевому экспорту и финансовым спекуляциям — привёл к неожиданно приемлемой политической изоляции посткоммунистической олигархии, создав пропасть между ней и остальным населением. В недавние советские времена специалисты в области культуры и техники, квалифицированные и даже простые рабочие имели коллективное влияние, поскольку их знания, труд и патриотизм были необходимы сверхдержаве. Теперь же, в наступившей разрухе, они не играли роли даже в качестве избирателей и налогоплательщиков. Что могут дать забастовки на обанкротившихся останавливающих заводах, к чему выходить на улицы с дискредитировавшими себя лозунгами национальной независимости и рыночных реформ, какой смысл участвовать в кампаниях политиков, которые оказались предателями? Перестроечная атмосфера народного воодушевления и надежд на лучшее будущее внезапно сменилась циничной апатией, повседневной бытовой борьбой за экономическое и социальное самосохранение, страхом перед уличным криминалом и отчаянным желанием эмигрировать. Постсоветские государства достигли уровня Америки — только Южной, а не Северной [7].

ПРОГНОЗЫ И ПУТИ ИСТОРИИ

Для того чтобы проверить нашу историко-эмпирическую реконструкцию пути к распаду СССР, у нас есть два давних прогноза конца коммунистического режима в Советском Союзе, которые Рэндалл Коллинз и Иммануил Валлерстайн некогда сделали, исходя из совершенно разных теорий. Коллинз сосредоточил внимание на парадоксе советской военной мощи и геополитического веса: в момент достижения своего пика сверхдержава столкнулась с непосильными геополитическими издержками, которые её погубили [10²]. Он также верно спрогнозировал государственный коллапс в результате внезапного массового отступничества подчинённых элит национальных республик и государств-сателлитов в качестве защитной реакции на политическую недееспособность имперского центра. Но модель Р. Коллинза не могла предсказать ни скорости развития событий, ни выбора действий Москвой в рамках её сверхдержавных дилемм.

И. Валлерстайн пошёл дальше в своём анализе доступных вариантов, предсказав геополитический манёвр советского руководства и успешное возвращение к капитализму в рамках общеевропейского континентального альянса³. В жёстко ограничительной идейной атмосфере холодной войны практически никто, включая самих советских реформаторов, не рассматривал такую возможность всерьёз. Увы, И. Валлерстайн недооценил масштаб институциональных проблем, заложенных в национальном федерализме и в инерционной силе промышленных министерств СССР. Все государства-наследники Советского Союза вернулись к капитализму, но в крайне ослабленном виде, т.е. к периферийным его вариациям. Вместо заключения великого пакта о более почётном коллективном вхождении в мировую капиталистическую иерархию на правах сверхдержавы номенклатура распотрошила и разбазарила советские активы в панических попытках защитить индивидуальные олигархические позиции как от горбачёвских чисток, так и от народного бунта. В основе своей, на макроуровне мирового капитализма, теория И. Валлерстайна оказалась верна. Но как раз в силу «макроскопичности», взятая сама по себе, эта теория не смогла предсказать обескураживающий провал советской номенклатуры, в решающий момент оказавшейся институционально неспособной

² Русский перевод можно найти в альманахе «Время мира»: Коллинз Р. Предсказание макросоциологии: Случай советского коллапса // *Время мира* / под ред. Н.С. Розова. Вып. 1. Новосибирск, 2000. С. 234—278; Коллинз Р. Предсказание макросоциологии: Случай советского коллапса // WWW.NSU.RU: сайт Новосибирского государственного университета. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/collins-prediction.htm> (дата обращения: 08.09.2016).

³ Существует много статей и книг, в которых И. Валлерстайн рассматривал СССР в миросистемной перспективе. См. его программное эссе «Взлёт и будущий закат капиталистической миросистемы» (переиздано, например, в сборнике: *The Essential Wallerstein*. New York: New Press, 2000. P. 71—105).

на коллективные действия ради реализации наилучшей для неё самой исторической возможности. Это должно стать серьёзным предупреждением: олигархические элиты, разрозненные институционально, ослеплённые идеологическими предрассудками и подавляющие альтернативные дискуссии, могут в момент кризиса значительно навредить не только самим себе, но и нам всем.

В отличие от некогда господствовавших левых и правых представлений, меривших СССР по собственным жёстко статичным меркам «истинного социализма» либо нереформируемого «тоталитаризма», анализ Р. Коллинза и И. Валлерстайна, исходивший из общесистемной динамики, доказал в целом свою состоятельность. Иначе говоря, обе оказавшиеся верными модели рассматривали советский блок как часть большего мира, взаимодействующую с ним, развивающуюся, изменяющуюся во времени и неизбежно накапливающую внутренние противоречия и конфликты. Р. Коллинз основывал свой прогноз на долгосрочных закономерностях военной геополитики. Для И. Валлерстайна понимание коммунистических партий и государств должно было обязательно исходить из контекста капиталистической мирэкономки. Только в глобальном макроконтексте можно оценить варианты политического выбора, явно и неявно возникающие в разных зонах миросистемы. Геополитика и миросистема — отличающиеся, но аналитически пересекающиеся измерения. Проверку действенности данной комбинации исследовательских взглядов на мир нам даёт альтернативный выход Китая из коммунизма, о чём в своё время не писали ни Р. Коллинз, ни И. Валлерстайн. Однако их теории вполне могут объяснить и случай КНР.

История и мировой контекст весьма различным образом сформировали характер русского и китайского коммунистических режимов, в конечном итоге обусловив непохожесть их финалов. На сегодня экономические историки документально установили первенство средневекового Китая в достижении порога капиталистического производства и торговли [18]. Императорский Китай, однако, не стал первой капиталистической страной в истории по причинам в основном геополитического характера. Прежде всего, конечно, впечатляет длительность существования Китайской империи, выработавшей по-своему эффективные способы сохранения внутренней классовой «гармонии» и предотвращения внешних вторжений кочевников — двух основных угроз аграрным империям прошлого. На Западе после падения Рима подобной «мироимперии» так и не появилось, что вынудило западных капиталистов вооружаться и защищать себя самостоятельно, объединяясь сначала в систему городов-государств, а затем — в современные национальные государства и колониальные империи. Китайская аграрная империя пала фактически в середине XIX в. Китайские предприниматели столкнулись как с внутренними беспорядками, так и с иностранным господством колониальных организаций Запада и Японии [2]. Но велик Китай, и весь он не мог ни вымереть от голода, опиума и болезней, ни попасть под полное иностранное господство.

В тяжёлых катаклизмах прошло более чем столетие, прежде чем повстанцы-коммунисты одержали верх и восстановили государственный порядок. На этом они, как настоящие революционеры и модернисты, останавливаться не собирались. Их социальные, санитарные, образовательные реформы имели значительный успех, особенно учитывая скудость ресурсов и величину страны. Однако попытка маоистов запустить индустриализацию советского образца за счёт крестьянства обернулась катастрофическим голодом, за которым последовало десятилетие политических распрей в партийных рядах. Маоисты погубили десятки миллионов крестьян, но так и не добились индустриализации. Внешнеполитические и военные амбиции Мао Цзедунa также зашли в тупик. Китай оказался не в состоянии решать задачи даже регионального масштаба, не говоря уже о том, чтобы запустить мировую революцию. Что оставалось?

Именно здесь геополитическая теория Рэндалла Коллинза обнаруживает свою скрытую удачу. Китай был жёстко ограничен мировым и региональным балансом сил. Но этот же факт убрал его с передовой холодной войны, сделав возможным постепенное понижение радикализма идеологии и установление экономических связей с Западом. Китайские партийные кадры опасались радикального маоизма не меньше, чем советская номенклатура опасалась сталинизма после 1953 г. Древняя китайская традиция связывала восстановление внутренней «гармонии» с допущением массового, прежде всего сельского, предпринимательства. К счастью, крестьянство выжило в неудачной индустриализации сталинского образца. Именно в силу сохранения аграрной децентрализации Китая рыночный поворот не только не встретил противодействия на местах, но и помог сохранить в строю местные партийные кадры. Рыночная прибыль уже вскоре влилась в систему неформального патронажа. Начальство наверху могло предоставлять подчинённым возможности для личного обогащения, защищая их от уголовного преследования за коррупцию до тех пор, пока эти кадры обеспечивали порядок и экономические показатели на местах. Коллапса коммунизма в Китае не произошло. Даже официальная коммунистическая идеология сохранилась в «облегчённом» варианте. Китайские лидеры, приходившие к власти после Мао, почти случайно нащупали комбинацию структурных условий, характерных именно для Восточной Азии, что включило китайских коммунистов в мировое разделение труда. В масштабе одной из крупнейших стран мира воспроизвелась авторитарная модель экспортно ориентированного девелопменталистского государства, причём удачно: именно в тот момент, когда Япония, а следом за ней Южная Корея и Тайвань преодолевали исчерпанную для них модель и искали, куда передать недорогие вспомогательные операции. Здесь-то и реализовался старый прогноз Иммануила Валлерстайна: коммунисты успешно присоединяются к мировому капитализму в качестве прагматичных посредников между иностранным капиталом и своим национальным рынком «через», прежде всего, управляемый государством рынок дешёвого труда.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // WWW.VEH1.NET: библиотека «Веги». URL: <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html> (дата обращения: 03.07.2016).
2. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Ин-т общественного проектирования, 2009. 456 с.
3. Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
4. Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе: Биография в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. 560 с.
5. Спаффорд Ф. Страна изобилия. М.: Астрель, 2012. 512 с.
6. Фурман Д.Е. Движение по спирали: Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь Мир, 2010. 168 с.
7. Arrighi G., Hopkins T.K., Wallerstein I. 1989: The Continuation of 1968 // After the fall: 1989 and the future of freedom / ed. by George Katsiaficas. New York: Routledge. P. 35—51.
8. Bahry D. Outside Moscow: power, politics, and budgetary policy in the soviet republics. New York: Columbia University Press, 1987. 236 с.
9. Bunce V. Subversive institutions: the design and the destruction of socialism and the state. New York: Cambridge University Press, 1998. 208 с.
10. Collins R. Prediction in macrosociology: the case of the soviet collapse // American Journal of Sociology. №6 (May 1995). Vol. 100. P. 1552—1593.
11. Evans P. Embedded autonomy: states & industrial transformation. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. 336 p.
12. Hough Jerry F. The soviet prefects: the local party organs in industrial decision-making. Cambridge, MA: Harvard University Russian Research Center, 1969. 416 p.
13. Kohli A. State-directed development: political power and industrialization in the global periphery. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 480 p.
14. Kotkin St. Stalin. The paradoxes of power. New York: Penguin Press, 2014. Vol. 1. 976 p.
15. Mearsheimer John J. Back to the future: instability in Europe after the Cold War // International Security. № 1 (Summer 1990). Vol. 15. P. 5—56.
16. Skocpol Th. States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China. New York: Cambridge University Press, 1979. 442 p.
17. Solnick Steven L. Stealing the state: control and collapse in Soviet institutions. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998. 352 p.
18. The Resurgence of East Asia: 500, 150 and 50 year perspectives / ed. by Arrighi G., Hamashita T., Selden M. New York: Routledge, 2003. 354 p.
19. Urban M. An algebra of Soviet power: elite circulation in the Belorussian Republic, 1966—86. New York: Cambridge University Press, 1989. 200 p.
20. Zubok Vl. Zhivago's children: The last Russian intelligentsia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009. 453 p.
21. Wallerstein I. The decline of American power: The U.S. in a chaotic world. New York: New Press, 2003. 160 p.
22. Westad O.A. Restless empire: China and the world since 1750. New York: Basic Books, 2012. 515 p.

REFERENCES

1. Amal'rik A. *Prosushhestvuet li Sovetskij Sojuz do 1984 goda?* [Will the Soviet Union exist till 1984?]. Moscow, Samizdat Publ., 1969. Available at: <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html> (accessed 03.07.2016). (In Russ.)
2. Arrigi Dzh. *Adam Smit v Pekine. Chto poluchil v nasledstvo XXI vek* [Adam Smith in Beijing. What did the twenty-first century inherit?]. Moscow, Institut obshhestvennogo proektirovaniya Publ., 2009, 456 p. (In Russ.)
3. Goldstoun Dzh. A. *Revoljucii. Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions. Quick introduction]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara Publ., 2015, 192 p. (In Russ.)
4. Derlug'jan G.M. *Adept Burd'e na Kavkaze: Biografija v mirosistemnoj perspective* [Bourdieu's secret admirer in the Caucasus: a world-system biography]. Moscow, Territorija budushhego Publ., 2010, 560 p. (In Russ.)
5. Spafford F. *Strana izobilija* [The land of plenty]. Moscow, Astrel' Publ., 2012, 512 p. (In Russ.)
6. Furman D.E. *Dvizhenie po spirali: Politicheskaja sistema Rossii v rjadu drugih sistem* [Spiral motion: political system of Russia in a row with other systems]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010, 168 p. (In Russ.)
7. Arrighi G., Hopkins T.K., Wallerstein I. 1989: The Continuation of 1968. *After the fall: 1989 and the future of freedom*. Ed. by G. Katsiaficas, New York, Routledge Publ., pp. 35—51. (In Eng.)
8. Bahry D. *Outside Moscow: power, politics, and budgetary policy in the soviet republics*. New York, Columbia University Press Publ., 1987, 236 p. (In Eng.)
9. Bunce V. *Subversive institutions: the design and the destruction of socialism and the state*. New York, Cambridge University Press Publ., 1998, 208 p. (In Eng.)
10. Collins R. Prediction in macrosociology: the case of the soviet collapse. *American journal of sociology*, no. 6 (May 1995), vol. 100, pp. 1552—1593. (In Eng.)
11. Evans P. *Embedded autonomy: states & industrial transformation*. Princeton, NJ, Princeton University Press Publ., 1995, 336 p. (In Eng.)
12. Hough Jerry F. *The Soviet prefects: the local party organs in industrial decision-making*. Cambridge, MA, Harvard University Russian Research Center Publ., 1969, 416 p. (In Eng.)
13. Kohli A. *State-directed development: political power and industrialization in the global periphery*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2004, 480 p. (In Eng.)
14. Kotkin St. *Stalin. The Paradoxes of Power*. New York, Penguin Press Publ., 2014, vol. 1, 976 p. (In Eng.)
15. Mearsheimer John J. Back to the future: instability in Europe after the Cold War. *International Security*, no 1 (Summer 1990), vol. 15, pp. 5—56. (In Eng.)
16. Skocpol Th. *States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China*. New York, Cambridge University Press Publ., 1979, 442 p. (In Eng.)
17. Solnick Steven L. *Stealing the state: control and collapse in Soviet institutions*. Cambridge, Mass., Harvard University Press Publ., 1998, 352 p. (In Eng.)
18. *The resurgence of East Asia: 500, 150 and 50 year perspectives*. Ed. by G. Arrighi., T. Hamashita, M. Selden, New York, Routledge Publ., 2003, 354 p. (In Eng.)
19. Urban M. *An algebra of soviet power: elite circulation in the Belorussian Republic, 1966—86*. New York, Cambridge University Press Publ., 1989, 200 p. (In Eng.)
20. Zubok Vl. *Zhivago's children: the last Russian intelligentsia*. Cambridge, MA, Harvard University Press Publ., 2009, 453 p. (In Eng.)
21. Wallerstein I. *The decline of American power: The U.S. in a chaotic world*. New York, New Press Publ., 2003, 160 p. (In Eng.)
22. Westad O.A. *Restless empire: China and the world since 1750*. New York, Basic Books Publ., 2012, 515 p. (In Eng.)